

Р. К. Волкайте-Куликаускаене

ОБРАЗОВАНИЕ ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОСТИ

(ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Рассматриваемый в статье вопрос археологами изучался еще недостаточно. Некоторые попытки его решения были сделаны автором в обобщающем труде по археологии Литвы¹ и несколько более подробно в монографии, посвященной анализу памятников IX—XII вв.² Возрастающий интерес к проблемам этногенеза балтов и накопившийся в последние годы обширный археологический материал позволили вплотную подойти к постановке вопроса об образовании отдельных балтских народностей. Наглядный тому пример — состоявшаяся в Риге в марте 1977 г. конференция, посвященная проблемам этнической истории балтов, в работе которой принимали участие лингвисты, археологи, этнографы и антропологи³. Конференция показала, что только благодаря совместным усилиям этих специалистов возможно решение сложных этнических проблем. В числе других многочисленных докладов по данной тематике на конференции были прочитаны доклады по вопросам образования литовской⁴ и латышской⁵ народностей.

Эта статья написана на основе прочитанного на конференции доклада. В ней затронуты три основных вопроса: 1. Время формирования древнелитовской народности; 2. Какие племена сыграли решающую роль в этом процессе; 3. Отражение процесса формирования древнелитовской народности в археологическом материале.

1. Приступая к рассмотрению вопроса о начале формирования древнелитовской народности, необходимо уяснить сущность понятия «народность». «Народность,— читаем в «Философском словаре»,— одна из форм общности людей, которая исторически следует за родо-племенной общностью и формируется в процессе слияния, консолидации различных племен в условиях смены первобытного строя частнособственническими отношениями, появления и развития классов. Для народности характерны замена прежних кровнородственных связей территориальной общностью, племенных языков — единым языком наряду с существованием ряда диалектов. Каждая народность имеет свое собирательное название, внутри нее возникают элементы общей культуры»⁶.

Исследователи указывают, что типы этнических общностей соответствуют в общих чертах историческим эпохам и общественно-экономиче-

¹ P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicius. Lietuvos archeologijos bruočiai. Vilnius, 1961, p. 516—518.

² R. Volkaitė-Kulikauskienė. Lietuviai IX—XII amžiais. Vilnius, 1970, p. 21—44.

³ «Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов». Рига, 1977.

⁴ Р. К. Куликаускаене. Образование литовской народности.— Там же, с. 61—65.

⁵ Т. Я. Зейд. Образование латышской народности в отображении письменных источников.— Там же, с. 113—115.

⁶ «Философский словарь». М. 1975, с. 263.

ским формациям: первобытнообщинному строю соответствует родо-племенная общность, с переходом к раннеклассовому обществу формируется народность⁷.

Таким образом, любая народность формируется в процессе разложения родо-племенного строя. В территориальной соседской общине постепенно зарождается имущественное неравенство. Из состава общины выделяются отдельные наиболее богатые семьи, имеющие многочисленные и более эффективные орудия труда, способные обработать более обширные земельные участки и производящие больше продуктов, чем необходимо для поддержания существования. Все это способствует накоплению имущества в руках отдельных семей, возрастанию потребностей в рабочей силе, эксплуатации более бедных членов общины и, наконец, формированию антагонистических классов. Когда же в Литве происходило разложение родо-племенной общности, основанной на кровнородственных связях, и замена ее территориальной соседской общиной?

Процесс разложения первобытнообщинного строя на территории Литвы, как и во всей Восточной Прибалтике, начался в первых веках нашей эры в результате широкого распространения железных орудий труда (особенно в сельском хозяйстве), вызвавшего ускоренное развитие земледелия и скотоводства, развитие ремесел, рост меновой торговли и другие важные изменения в хозяйственной жизни. Этот процесс активизировался в середине I тысячелетия н. э., когда производство было окончательно индивидуализировано. Это определило созревание новых общественных отношений. Во второй половине I тысячелетия н. э. происходит ускоренное формирование территориальной соседской общины, в рамках которой возникает и постоянно возрастает имущественное неравенство, получившее яркое отражение в археологических памятниках данного периода. Уже с середины I тысячелетия н. э. в погребениях все чаще встречаются изделия из драгоценных металлов — серебряные украшения (шейные гривны, браслеты, фибулы), причем большая их часть принадлежит именно к V—VIII вв. н. э. К этому же времени относятся иклады серебряных украшений — имущество богатых семей. Заслуживают внимания и относящиеся к данному периоду предметы импорта, прежде всего оружие. Ярким тому примером является исследованное в курганном могильнике в местности Крикштонис (Лаздияйский р-н)⁸ погребение воина (№ 1), в котором было обнаружено столь редкое для этого периода оружие, как железный двухлезвийный меч, а также покрытые серебром поясные оковки. В погребении воина по обряду трупосожжения (№ 2) был найден импортный железный умбон щита, выполненный с большим художественным вкусом. Оба погребения датируются V—VI вв. н. э. Еще более ярким примером возрастающего имущественного неравенства служит курганный могильник в местности Таурапилис (Утенский р-н)⁹. В кургане № 5 было обнаружено погребение воина отличавшееся особо богатым инвентарем. На правом боку умершего находился длинный двухлезвийный железный меч в богатых ножнах. Передняя часть ажурного серебряного наконечника ножен меча длиной в 12,5 см богато орнаментирована и позолочена. Верхняя часть ножен украшена четырехугольной серебряной пластинкой, покрытой глубоким рельефным орнаментом, с позолоченной передней частью. Кроме того, ножны украшала еще одна небольшая богато орнаментированная и по-

⁷ Н. Ф. Колесницкий. Донациональные этнические общности.— «Расы и народы», 8, М., 1978, с. 22. См. также по данному вопросу Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 125—152.

⁸ P. Kulikauskas. Naujas archeologinis paminklas Uznemunėje.— «LTSR Mokslų akademijos darbai» (далее — MAD). А., 1959, № 1 (6), p. 71—86.

⁹ A. Tautavicius. Taurapilio pilkapių (Utenos raj.) kasinėjimai 1970 ir 1971 metais.— «Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje, 1970 ir 1971 metais» (далее — AETL), Vilnius, 1972. p. 40—48.

крытая позолотой округлая серебряная оковка, прикреплявшаяся к деревянным ножам серебряными гвоздиками. Возле ножен обнаружены две серебряные позолоченные пряжки. На груди умершего находился украшенный серебряной орнаментированной пластинкой рог для питья. Даже оковки ремней от шпор были украшены серебром. Кроме того, в инвентарь погребения входил щит, от которого сохранился железный умбон, два втульчатых наконечника копий, нож, узколезвийный топор, бронзовый пинцет, кольца, бронзовые шпоры. Однако наиболее важным является то, что воин похоронен вместе с конем. Погребение датируется V—VI вв.

Меч и боевой конь — отличительные атрибуты воина-всадника, представителя тогдашней племенной аристократии. Следует отметить увеличение числа погребений с конями около середины I тысячелетия н. э. В упоминавшемся уже курганном могильнике Таурапилис кроме описанного выше были обнаружены еще три погребения с конями (кург. 1, 4, 6)¹⁰. Кроме того, следует упомянуть широко известное в литературе погребение (№ 35) из грунтового могильника Рекете (Кретингский р-н), где воин и конь похоронены в одной яме размерами 2,7×1,7 м. В погребении найдены богатая конская сбруя и инвентарь воина, в том числе серебряная арбалетовидная фибула¹¹.

Приведенные здесь немногочисленные примеры достаточно ярки. В середине и в третьей четверти I тысячелетия н. э. все чаще встречаются погребения с богатым инвентарем. Этот инвентарь составляют: дорогое, чаще импортное, оружие, в первую очередь мечи, богатые, окованные серебром рога для питья, серебряные или отделанные серебром украшения и такое ценное имущество воина, как боевой конь или иногда лишь символизирующая коня его сбруя. Не вызывает сомнений, что владельцы столь редких и дорогих вещей по своему социальному положению должны были выделяться из числа рядовых членов общины. Судя по характеру инвентаря, его владельцы, по-видимому, являлись воинами-всадниками, военачальниками, представителями племенной аристократии, становившимися постепенно, в процессе разложения родо-племенного строя, правителями определенных территорий.

Однако наиболее ярко процесс разложения родо-племенного строя отразился в изменении характера поселений. В этом отношении весьма ценны материалы исследовавшихся городищ. Как явствует из них, некоторые городища, заселенные в I тысячелетии до н. э., в первые века нашей эры были заброшены¹². Сюда относятся городища Дукштас (Игналинский р-н), Памишке (Тракайский р-н), Павандяне (Молетайский р-н), Неверишкес (Швенчёнисский р-н) и др. Другие городища, как Мошкой, Петрашюнай (Рокишкисский р-н), Пажельвяй (Укмергский р-н), Воренай (Молетайский р-н), были оставлены в середине I тысячелетия н. э.¹³ Однако имеется немало городищ, населенных еще и в начале II тысячелетия н. э., когда на них возникли укрепленные феодальные поселения. К ним относятся Аукштадварис, Бражулене (Тракайский р-н), Броделишкес (Вильнюсский р-н), Имбаре (Кретингский р-н), Наркунай (Утенский р-н) и др., но, как правило, на данных городищах культурный слой второй половины I тысячелетия н. э. отсутствует или же бывает весьма незначителен. Это указывает на то, что они в середине I тысячелетия н. э. были заброшены и долгое время не были постоянно заселены.

¹⁰ Там же, с. 42.

¹¹ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Lietuvio kario žirgas. Vilnius, 1971, p. 7, pav. 7.

¹² Р. К. Волкайте-Куликаускаене. Древние поселения-городища как источник для изучения развития общественных отношений в Литве.— «Материалы Межреспубликанской научной конференции по этнолингвистике и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР». Вильнюс, 1978, с. 12—18.

¹³ V. Daugudis. Seniausieji mediniai pastatai ir irenginiai Lietuvoje (2) M. e I tūkstantm. I pusės itvirtinimi. — МАД, А., 1975, № 2 (51), p. 61 и сл.

Переселение жителей из городищ в неукрепленные поселения было вызвано, прежде всего, постоянным ростом населения. С другой стороны, оно является основным доказательством того, что происходили изменения в общественных отношениях — формировалась новая общность, основанная не на кровнородственных связях, а на общей территории. Большинство городищ, ранее заселенных более или менее многочисленными общинами, в середине и в третьей четверти I тысячелетия использовались лишь в качестве убежищ, куда окрестное население сбегалось в момент опасности. Здесь же важно отметить, что кроме вышеупомянутых городищ в первых веках нашей эры в Литве возникло немало городищ, имевших с самого начала довольно мощные укрепления. Это городища Апуоле (Скуодасский р-н), Импилтис (Кретингский р-н), Кунигишкяй-Паевонис (Вилкавишский р-н), Наукаймис-Габриелишкес (Расейнский р-н), Мигонис (Кайшядорский р-н), Неменчине (Вильнюсский р-н), и др., имевшие со стороны опояля валы, иногда рвы. Наиболее ярким примером служит городище Кунигишкяй-Паевонис, имевшее в III—IV вв. (слой надежно датирован по найденным в нем римским монетам) два вала высотой в 1,5—2 м и три рва, причем в середине I тысячелетия высота валов достигала уже 4—5 м¹⁴.

Заслуживает внимания и то, что площадки городищ, основанных в первых веках нашей эры, были обычно меньших размеров, чем у городищ, датированных I тысячелетием до н. э. Средние размеры площадок колеблются от 600 до 1200 м², есть, однако, площадки (например, городище Мигонис¹⁵) в 100—150 м². Последние в археологической литературе носят наименование миниатюрных и интерпретировались как городища-убежища¹⁶. Однако скорее всего эти городища, сооруженные в первых веках нашей эры, имели иное назначение. Мощный культурный слой указывает на то, что они были заселены. Поскольку на малых площадках могло разместиться ограниченное число жителей, можно предположить, что эти городища были построены отдельными, более богатыми семьями, выделившимися из родо-племенной общины. Вероятно, это были своего рода ранние замки, заселенные представителями племенной аристократии, вождями, об имущественном и общественном положении которых свидетельствуют погребения в могильниках Крикштонис, Таурапилис, Рекете и др. Со временем такие городища-замки стали центрами территориальных объединений. Без них трудно представить дальнейшее развитие мощных замков конца I и начала II тысячелетия.

Здесь представлены основные данные, как нам кажется, достаточные для утверждения о начале образования территориальных объединений в Литве в середине I тысячелетия. Этот процесс ускоренно развивался во второй половине I тысячелетия, когда уже становятся заметными некоторые черты военной демократии¹⁷. В погребениях мужчин увеличивается количество оружия, что указывает на частые военные столкновения. Войны были важным источником накопления богатств отдельными семьями. Их и вели с целью захвата добычи. Имеющиеся в нашем распоряжении источники указывают на постепенное выделение более богатых слоев, что в свою очередь создавало условия для возникновения классового общества в Литве.

Таким образом, зарождение литовской народности скорее всего можно отнести к середине и особенно ко второй половине I тысячелетия н. э.

¹⁴ П. Куликаускас. Исследование городищ Занеманья в Литве.— «Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus». Wrocław — Warszawa — Krakow, 1968, s. 305, fig. 10.

¹⁵ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Migonių (Jezno raj.) archeologiniai paminklai.— «Is Lietuvos kultūros istorijos» (далее — ILKI), t. I, Vilnius, 1958, p. 45—52.

¹⁶ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu.— ILKI, t. II, p. 125—137.

¹⁷ М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии.— «Проблемы первобытного общества». М.—Л., 1960, с. 241—261.

Это предположение подтверждают и исследования лингвистов. Один из критериев формирования народности — замена племенных языков единым языком, наряду с существованием ряда диалектов. В свое время еще К. Буга выдвинул предположение, что литовский язык должен был выделиться из литовско-латышского праязыка в VII в.¹⁸, а взаимоотношения литовского и латышского языков в X—XI вв., были почти такими же, как и позже¹⁹. В последнее время, руководствуясь так называемым глотнохронологическим или лексико-статистическим методом, попытку определения возраста литовского языка сделал В. Урбутис. Он пришел к выводу, что самостоятельное существование литовского и латышского языков началось приблизительно в середине VII в. или несколько раньше²⁰.

II. Выяснив вопрос о времени зарождения литовской народности, можно перейти к вопросу о племенах, образовавших ядро будущей литовской народности. Уже в первых веках нашей эры в Литве, а также на соседних территориях выделяются отдельные культурные области, связываемые с упоминаемыми в более поздних письменных источниках племенами или группами племен²¹. По различиям во внешнем виде погребальных памятников на территории Литвы выделяются прежде всего две крупные культурные области: область грунтовых могильников (западная и центральная Литва) и область курганных могильников (восточная Литва), первая из них приписывалась жемайтам, вторая — аукштайтам²². Дальнейшие исследования показали, что грунтовые могильники неоднородны, поэтому, основываясь на характере самой могилы и на особенностях погребального инвентаря, главным образом украшений, на этой обширной территории выделялись меньшие области, приписывавшиеся упоминаемым в письменных источниках куршам и жемайтам²³. В послевоенные годы основное внимание уделялось наиболее исследованной области грунтовых могильников, особенно на Балтийском взморье²⁴. Наиболее быстрыми темпами археологические материалы накапливаются в последнее десятилетие, причем вопрос выделения культурных областей в Литве постоянно находится в центре исследуемых проблем. К настоящему времени на территории Литвы выделяется уже 8—9 областей²⁵. Правда, до сих пор нет единого мнения относительно принадлежности этих областей тому или иному известному по письменным источникам племени, однако уже сейчас очевидно, что выделение культурных областей лишь на основании внешнего вида погребальных памятников является далеко не достаточным. Соотносить культурные области с отдельными племенами или их группами следует не по какому-либо одному признаку, а по их комплексу. Следует отметить также, что некоторые культурные области четко выявляются лишь в середине и даже во вто-

¹⁸ K. Būga. Lietuvių kalbos zodynas. Kaunas, 1924, 1 sąs., p. LXII.

¹⁹ K. Būga. Rinkiniai rastai. Vilnius, 1958, t. I, p. 409.

²⁰ V. Urbutis. Kaip senos lietuvių ir latvių kalbos.— «Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų Mokslo darbai», t. IV, Kalbotyra, 1962, p. 381—386.

²¹ P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicius. Указ. паб., с. 130; «Latvijas PSR archeologija», Rīga, 1974, p. 128—130; J. Okulicz. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973, p. 341—421.

²² W. Szukiewocz. Strefy archeologiczne na Litwie.— «Rocznik towarzystwa przyjaźni nauk w Wilnie», VI, Wilno, 1918, s. 5—16; W. Antoniewicz. Archeologia. Polski. Warszawa, 1928, s. 202; J. Puzinas. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys.— «Senovė», IV, Kaunas, 1938, p. 232—233, 273.

²³ M. Alseikaitė-Gimbutienė. Kapų tipai Lietuvoje proistoriniais laikais.— «Gimtasai kraštas», 1943, № 31, p. 1—31.

²⁴ X. Moora. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике.— Краткие сообщения Ин-та материальной культуры, вып. 53, с. 3—22; P. Яблонските-Римантене. О древнейших культурных областях на территории Литвы.— «Сов. этнография», 1955, № 3, с. 3—19.

²⁵ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Lietuviai IX—XII amžiais, p. 23—43; «Lietuvos TSR archeologijos atlasas», III. Vilnius, p. 10—18, žemėlapis 7, 8.

рой половине I тысячелетия, когда уже сформировались отдельные территории.

При поисках ядра литовской народности внимание привлекает одна культурная область, принадлежащая к культуре штрихованной керамики, балтская принадлежность которой не вызывает сомнений у большинства исследователей²⁶. Культура штрихованной керамики известна главным образом по исследованиям городищ, распространенных в восточной Литве и на большей части Белоруссии. На востоке она достигала верховий Друти, на юго-востоке — низовий Свислочи и Слуцка, на юге проходила через Несвижский район по течению р. Молчади. На севере граница проходила через Чашникский и Лепельский районы и далее уходила на северо-запад в восточную Литву²⁷. Эта культура появилась в I тысячелетии до н. э., но окончательно сформировалась в первых веках нашей эры. Разумеется, существуя столь длительное время на обширной территории, данная культура не могла быть однородной. Уже А. Г. Митрофанов выделил две большие территориальные группы — восточную и западную²⁸. Последней принадлежат и распространенные в восточной Литве памятники культуры штрихованной керамики (рис. 1). Однако несмотря на то, что Литва занимает лишь небольшую часть ареала культуры штрихованной керамики, здесь исследователи также выделяют ряд локальных групп²⁹ (рис. 2). Внимание привлекает центральная, хронологически наиболее поздняя группа, датируемая первой половиной I тысячелетия н. э. На западе она почти достигает среднего течения Немана, на севере занимает большие пространства на правобережье Нерис (Вилии). Наиболее северной точкой ареала этой группы является Утена, где в последнее время исследовалось городище Наркунай и селище, расположенное у его подножия³⁰. Отсюда граница проходила в направлении верховий Нерис (Вилии), а на юге достигала районов Минска и Лиды. Основным ареалом этой группы был бассейн р. Нерис (рис. 1). Для керамики городищ этой группы характерны горшки ярко выраженных ребристых форм, с четкой, но не глубокой штриховкой, богатым и разнообразным орнаментом.

Вероятно, именно эта группа и была ядром будущей литовской народности. Прав был В. В. Седов, когда писал, что носители культуры штрихованной керамики являются прямыми предшественниками раннесредневековых литовских племен³¹. Теперь, с выделением отдельных локальных групп, можно уточнить территорию племен, сыгравших решающую роль в процессе формирования древнелитовской народности. Она почти совпадает с выделенной А. Г. Митрофановым западной группой культуры штрихованной керамики. Начало же формирования древнелитовской народности можно искать только во второй половине I тысячелетия н. э. в археологических культурах, следующих после культуры штрихованной керамики. Именно эти более поздние археологические памятники и дают возможность связать культуру штрихованной керамики с раннесредневековой Литвой. Это прежде всего характерные для

²⁶ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163, 1970, с. 8—25; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа.— Автореф. канд. дис. Л., 1955; И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 56—84.

²⁷ А. Г. Митрофанов. Указ. раб., с. 8.

²⁸ Там же, с. 10, 11.

²⁹ Е. Данилайте. Штрихованная керамика в Литве.— Автореферат канд. дис. Вильнюс, 1967, с. 11—20.

³⁰ Исследования 1975—1977 гг. Отчеты Ин-та истории АН ЛитССР. Кроме того, см. Р. Волкайте-Куликаускаене, П. Куликаускас, А. Лухтан. Исследования памятников в местности Наркунай.— «Археологические открытия — 1976», М., 1977, с. 423—424.

³¹ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.).— Автореферат докт. дис. М., 1966, с. 8.

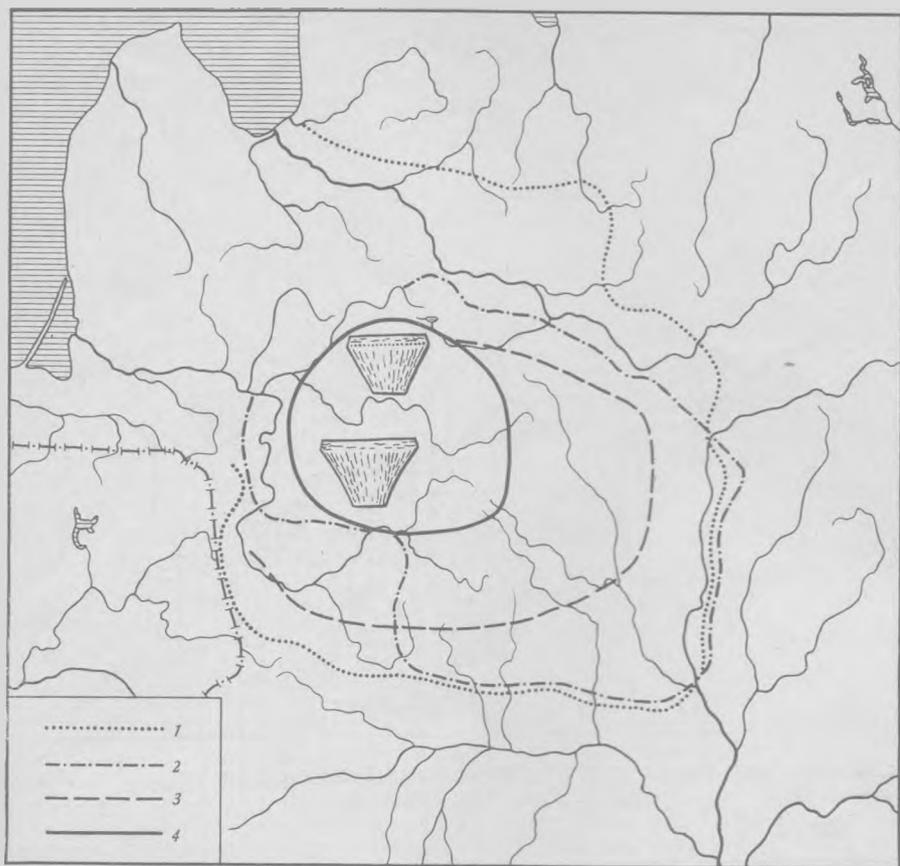

Рис. 1. Распространение культуры штрихованной керамики:
 1 — по П. Н. Третьякову; 2 — по В. В. Седову; 3 — по А. Г. Митрофанову; 4 —
 западная локальная группа данной культуры самого позднего этапа ее развития

исследуемой области погребальные памятники-курганы. Наиболее ранние курганные могильники на территории Литвы относятся к IV—V в. н. э. Это курганные группы Мигонис (Кайшядорский р-н)³², Межонис (Швенченский р-н)³³, Пакраугле (Вильнюсский р-н)³⁴ и др. Характерными чертами этих курганов являются два каменных венца (внешний и внутренний) в насыпи кургана и погребения по обряду труположения, находящиеся в ямах под насыпью. Как оборудованием могилы, так и устройством насыпи они значительно отличаются от курганов других балтских территорий, поэтому кажутся необоснованными предположения Ф. Д. Гуревич и В. В. Седова о том, что традиция строительства курганов могла проникнуть в восточную Литву с территории современной северной Литвы или из юго-восточной Латвии³⁵. На наш взгляд, совершенно очевидно, что они синхронны с позднейшим этапом культуры штрихованной керамики. Так, исследовавшиеся нами курганы Мигонис вместе

³² R. Volkaitė-Kulikauskienė. Migonių (Jezno raj.) archeologiniai paminklai, p. 58—61.

³³ M. Kaczyński. Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. w miejscowości Mieżany, pow. Święciany na Wileńszczyźnie (LSSR).— «Wiadomości archeologiczne», XXIX, z. 2, Warszawa, 1963, s. 119—137.

³⁴ H. W. Hotubowiczowie. Wykopaliska na Wileńszczyźnie w latach 1938 i 1939. Wilno, 1940, s. 7.

³⁵ Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Пономанья. М.—Л., 1962, с. 35; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (1970), с. 22.

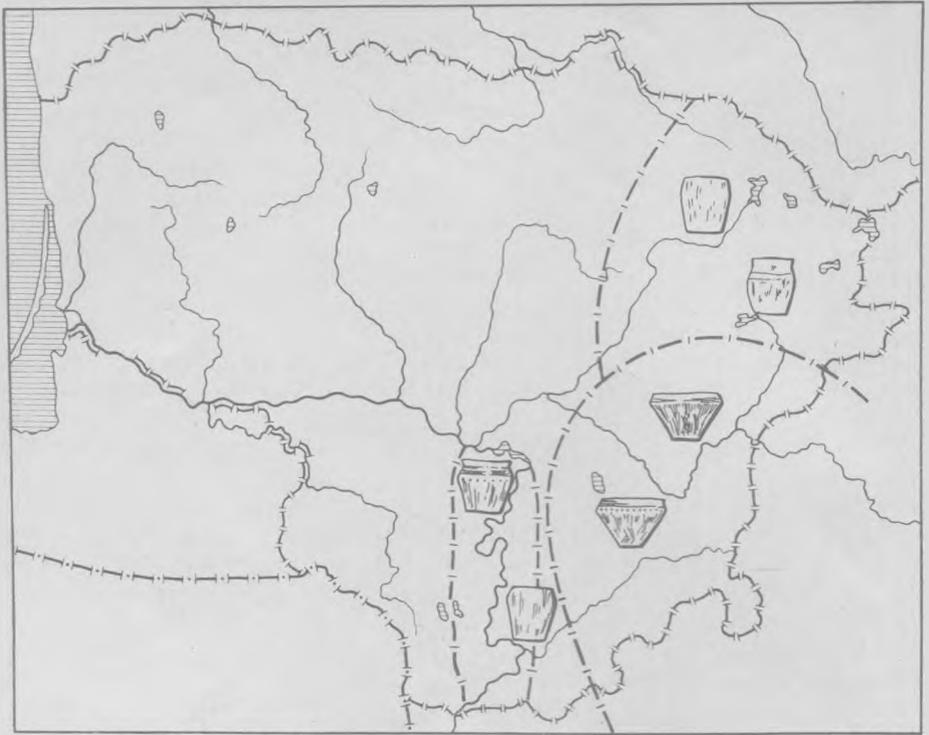

Рис. 2. Локальные группы культуры штрихованной керамики на территории Литвы по Е. Данилайте-Григалавичене

с городищем и селищем у его подножия принадлежат к одному и тому же комплексу памятников культуры штрихованной керамики. По-видимому, не будет ошибочным утверждать, что носители этой культуры на последнем этапе ее существования хоронили умерших по обряду трупоположения в грунтовых ямах под насыпью кургана.

Появившиеся на этой территории в IV—V вв. курганы как основная форма погребальных памятников сохранялись в течение всего железного века. В третьей четверти I тысячелетия в насыпях курганов еще встречаются два каменных венца, указывающие на их непосредственную связь с более ранними культурами. Однако в самом начале второй половины I тысячелетия происходят существенные изменения в погребальном обряде: распространяется обряд трупосожжения. В уже упоминавшемся курганном могильнике Пакраугле в курганах наряду с трупоположениями обнаружено погребение по обряду трупосожжения, датированное V в. н. э. В V—VI вв. трупосожжения появляются в целом ряде курганов — Пошконис (Шальчининский р-н)³⁶, Грабиолай (Вильнюсский р-н)³⁷ и др. В более поздних курганах трупосожжения преобладают.

Таким образом, на очерченной территории мы сталкиваемся с первичным очагом обряда трупосожжения, откуда он постепенно начинает распространяться во всех направлениях (рис. 3).

Следует обратить внимание и на тот факт, что появление обряда трупосожжения совпадает с исчезновением культуры штрихованной керамики. Однако несмотря на это существенное изменение в погребальном

³⁶ А. Tautavičius. Šalčininkų rajono pilkapių tyrinėjimai. — ILKI, I, p. 65—82.

³⁷ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии. Вильна, 1893, с. 72.

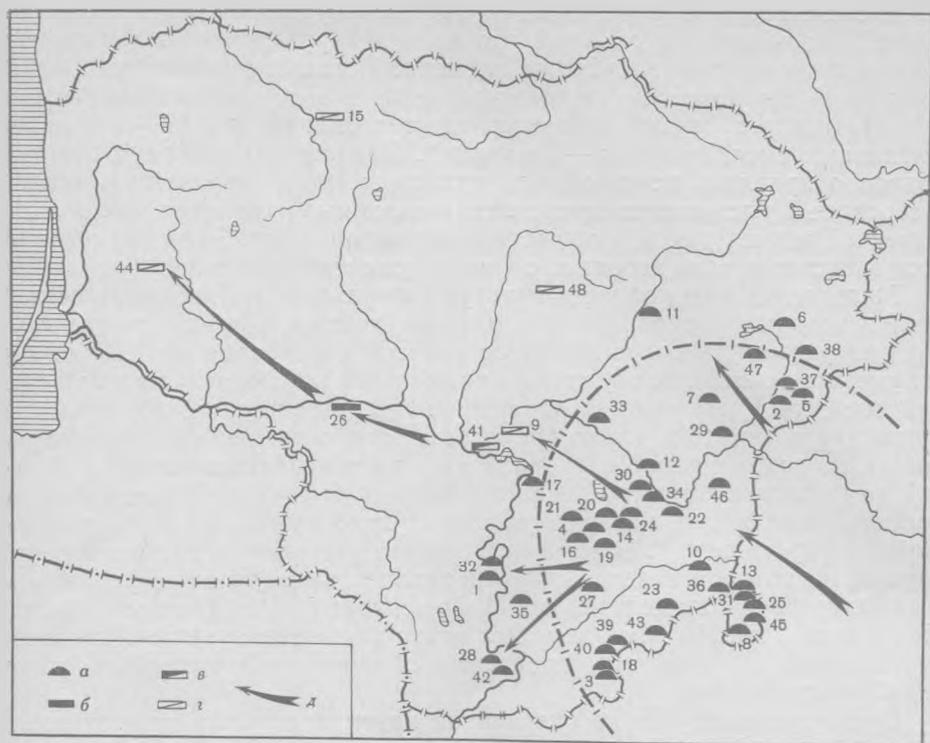

Рис. 3. Распространение обряда трупосожжения на территории Литвы в V—VIII вв. н. э.: а — курганы с трупосожжением; б — грунтовые могильники с трупосожжением; в — грунтовые могильники с трупосожжением и с трупоположением; г — грунтовые могильники с единичными трупосожжениями; д — направления распространения кремации 1 — Алитус, 2 — Антасаре (Швенченский р-н), 3 — Багочай (Варенский р-н), 4 — Бейжонис (Жидишкес) (Тракайский р-н), 5 — Борава (Швенченский р-н), 6 — Цегельне (Паваюнис) (Игналинский р-н), 7 — Дегсне (Молецкий р-н), 8 — Девенишкес (Шальчининский р-н), 9 — Эйгуляй (Каунасский р-н), 10 — Яшунай (Шальчининский р-н), 11 — Юдинис (Аникщяйский р-н), 12 — Кармазинай (Вильнюсский р-н), 13 — Каткушес (Шальчининский р-н), 14 — Курганай (Варатнишкес) (Тракайский р-н), 15 — Куршенай (Шяуляйский р-н), 16 — Лаваришкес (Тракайский р-н), 17 — Майсеюнай (Кайшядорский р-н), 18 — Мицконис (Варенский р-н), 19 — Моша (лес Скребио) (Тракайский р-н), 20 — Мустеняй (Тракайский р-н), 21 — Немайтонис (Кайшядорский р-н), 22 — Неравай-Мисионарка (Тракайский р-н), 23 — Пабаре (Шальчининский р-н), 24 — Падваришкес (Тракайский р-н), 25 — Пагинай (Боровка) (Шальчининский р-н), 26 — Пакальнишяй (Шакайский р-н), 27 — Памусяй (Варенский р-н), 28 — Папишкес (Варенский р-н), 29 — Парайсчай (Вильнюсский р-н), 30 — Попай (Вингяляй) (Тракайский р-н), 31 — Пошконис (Шальчининский р-н), 32 — Пунёс Шилас (Алитусский р-н), 33 — Русю Рагас (Ширвинтский р-н), 34 — Саусяй (Безводна) (Тракайский р-н), 35 — Слабаделе (Алитусский р-н), 36 — Стакай (Шальчининский р-н), 37 — Судота (Швенченский р-н), 38 — Вейкунай (Швенченский р-н), 39 — Версека — (Шальчининский р-н), 40 — Версекеде (Шальчининский р-н), 41 — Вершвай (Каунасский р-н), 42 — Вилькяутинис (Варенский р-н), 43 — Вилконис (Шальчининский р-н), 44 — Вилку Кампас (Шилуский р-н), 45 — Забелишкес (Шальчининский р-н), 46 — Жвирбляй (гор. Вильнюс), 47 — Паалдикис (Швенченский р-н), 48 — Гринюнай (Паневежский р-н)

обряде, вопрос о возможных изменениях этнического состава населения на этих территориях не встает. Напротив, большинство исследователей подчеркивают прямую связь культуры штрихованной керамики с позднейшими культурами. Мы это уже отмечали, говоря об устройстве курганов. Эта связь прослеживается и в керамике, являющейся одним из основных источников при решении этнических проблем. Во второй половине I тысячелетия штрихованную керамику сменяет шероховатая керамика, употреблявшаяся в начале своего существования наряду со штрихованной. Штриховка и шероховатая (облитая) поверхность вначале встречаются совместно, на одних и тех же сосудах. Для этой кера-

мики характерны и определенная форма сосудов, и состав глиняного теста³⁸. Не возникает сомнений, что данную территорию и в дальнейшем населяли те же самые балтские племена. Исследователи не наблюдают изменений в этническом составе населения и в восточной части ареала культуры штрихованной керамики, где она сменяется в VI—VII вв. памятниками типа Тушемля — Колочин³⁹. Возможен лишь один ответ на вопрос о причинах исчезновения культуры штрихованной керамики: в середине I тысячелетия происходили огромные изменения как в экономической жизни, так и в общественных отношениях. Этим же объясняется запустение ряда городищ, о чем мы уже говорили выше.

Выделяемая нами область культуры штрихованной керамики отличается некоторым своеобразием и в более позднее время. Прежде всего следует упомянуть сохраняющиеся на этой территории до XIII в. курганные могильники. Заслуживают внимания и наблюдающиеся в последней четверти I тысячелетия характерные черты женского костюма, особенно украшений. Хотя в то время был распространен обряд трупосожжения, по сохранившимся фрагментам и на основании некоторых аналогий нам удалось частично реконструировать бытовавший здесь женский костюм, своеобразие которого наиболее ярко выражено в головных и шейных украшениях⁴⁰. Все это позволяет считать эту область той территорией, на которой позднее сформировались такие важные феодальные и административные центры, как Майшягала, Кернаве, Вильнюс, Тракай, Неменчине и др. Именно здесь был центр раннефеодального Литовского государства. На этой же территории обнаружены крупнейшие клады серебряных слитков.

Предположение, что на очерченной нами территории следует искать ядро древнелитовской народности, подтверждают некоторые исторические и лингвистические данные. На основе бывших культурных областей сформировались земли, среди которых упоминается и «литовская» земля⁴¹. По-видимому, не случайно она в значительной степени совпадает с выделяемой нами территорией. Интересны в этом отношении исследования лингвистов о происхождении названия «Литва». Не затрагивая разнообразных гипотез по этому вопросу, можно кратко упомянуть достаточно убедительное предположение К. Кузавиниса о том, что название Литва является древним литовским словом, производимым от гидронима Лиетава-Лиетаука (Lietava-Lietauka), правого притока реки Нерис (Вилии). Позднее это название распространяется на бассейн реки (Литовская земля) и, наконец, из названия края возникает этноним «литовец»⁴². Именно на этой территории и обнаружен гидроним, давший позднее название всему народу.

III. Население выделенной территории явилось лишь ядром будущей литовской народности. Процесс формирования древнелитовской народности происходил позднее, с формированием некоей территориальной общности. В ней постепенно исчезали областные различия и все больше появлялось общих черт, заметных как в материальной, так и в духовной культуре. Этот процесс в первую очередь происходил под влиянием значительных изменений в производстве и формировании новых общественных отношений. Были, однако, и внешние факторы, также ускорявшие

³⁸ E. Danilaitė. Bruksniuosios keramikos išnykimo Lietuvoje klausimu.— MAD, A., 1967; № 1 (26), с. 35—48; B. В. Даугудис. Некоторые данные о происхождении и хронологии шероховатой керамики в Литве.— MAD, A., 1966, № 3 (22), с. 55, 56.

³⁹ И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв., с. 82—84.

⁴⁰ Volkaitė-Kulikauskienė. Kai kurių VIII—XI a. rytų Lietuvos moterų galvos papuošalų klausimu.— MAD, A., 1975, № 4 (53), p. 85—95, pav. 7.

⁴¹ H. Łowmianski. Studia nad początkami państwa Litewskiego, t. I. Wilno, 1932 (см. карту II).

⁴² K. Kuzavinis. Lietuvos vardo kilmė.— «Kalbotyra», X, Vilnius, 1964, p. 19. Там же дается подробная библиография по этому вопросу.

этот процесс. Одним из них явилась начавшаяся в VIII в. и проходившая в западном направлении миграция восточных славян, в результате которой заселенная балтами территория на востоке уменьшилась, хотя отдельные балтские островки (летописная «голядь» в верховьях Протвы в XII в.) еще долгое время сохранялись на заселенных восточными славянами землях. Наиболее важным внешним фактором, в дальнейшем ускорившим процесс формирования древнелитовской народности, явилось образование в IX в. в Восточной Европе крупного феодального государства — Киевской Руси, значительное влияние которой на Восточную Прибалтику несомненно. Поэтому не случайно именно восточно-балтские племена, жившие в непосредственном контакте с восточными славянами, составили ядро формирующейся древнелитовской народности. Процесс консолидации отдельных племен частично отражается и на археологическом материале. Это прежде всего распространение обряда трупосожжения. Уже упоминалось, что наиболее ранние трупосожжения V—VI вв. появились на очерченной нами территории. В VI—VII вв. обряд трупосожжения распространился по всей территории восточно-литовских курганов и постепенно начал проникать на соседние территории, прежде всего в западном направлении, что подтверждается появлением трупосожжений в центральной Литве уже в VI—VII вв. В это время первые погребения по обряду трупосожжения появляются в районе Каунаса (Эйгуляй, Вяршвай) (рис. 3). Здесь трупосожжения находятся в грунтовых могильниках, свидетельствующих о заселении этой территории иными племенами, которые первыми включились в процесс распространения кремации. Несмотря на внешние различия погребальных памятников, эти области издавна объединяет ряд общих черт. Уже сам факт погребений в ямах под насыпью, характерный для ранних восточнолитовских курганов, указывает на влияние центральной Литвы.

Свидетельством взаимовлияния и близости племен центральной и восточной Литвы являются и другие общие черты, как, например, распространение характерных для этих областей головных украшений — височных колец⁴³. На этой территории широко распространены чисто литовские шейные гривны с ложковидным концом, датируемые III—V вв.⁴⁴, украшения с выемчатой эмалью и др. В VII—IX вв. постепенно, но неуклонно распространяется обряд трупосожжения, а в восточной и центральной Литве в это время практикуется уже исключительно кремация. В конце I — начале II тысячелетия погребения с трупосожжениями встречаются в северной части литовского взморья, где позднее в письменных источниках упоминаются курши, а также в северной части Занеманья (рис. 4). Возможно, что распространение кремации на западные районы Литвы частично могло происходить и с юго-запада, с территории древних пруссов. Исключением является лишь Жемайтия (Жмудь), где еще в начале II тысячелетия преобладали погребения по обряду трупоположения, и северная часть центральной Литвы, куда обряд кремации так и не проник. Эта область приписывается земгалам. Характерно, что северные балтские племена, вошедшие в состав формирующейся латышской народности, придерживались исключительно обряда трупоположения⁴⁵. Единичные трупосожжения в юго-восточной Латвии трактуются как литовские или восточнославянские. Обряд трупосожжения в конце I тысячелетия характерен для восточнославянских и особенно литовских племен, с принятием же первыми христианства и переходом к трупоположению в начале II тысячелетия обряд трупосожжения получил исключительное распространение на литовской территории. Он свидетельство-

⁴³ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Senovės lietuvių moterų galvos dangai ir jos papuošalai — ILKI, II. Vilnius, 1959, p. 33—42; «Lietuvos TSR archeologijos atlasas», IV. Vilnius, 1978, p. 5—8, žemėl. 1. 2.

⁴⁴ P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavicius. Указ. раб., с. 203—205 рис. 132.

⁴⁵ «Latvijas PSR archeologija». Rīga, 1974, p. 364—365.

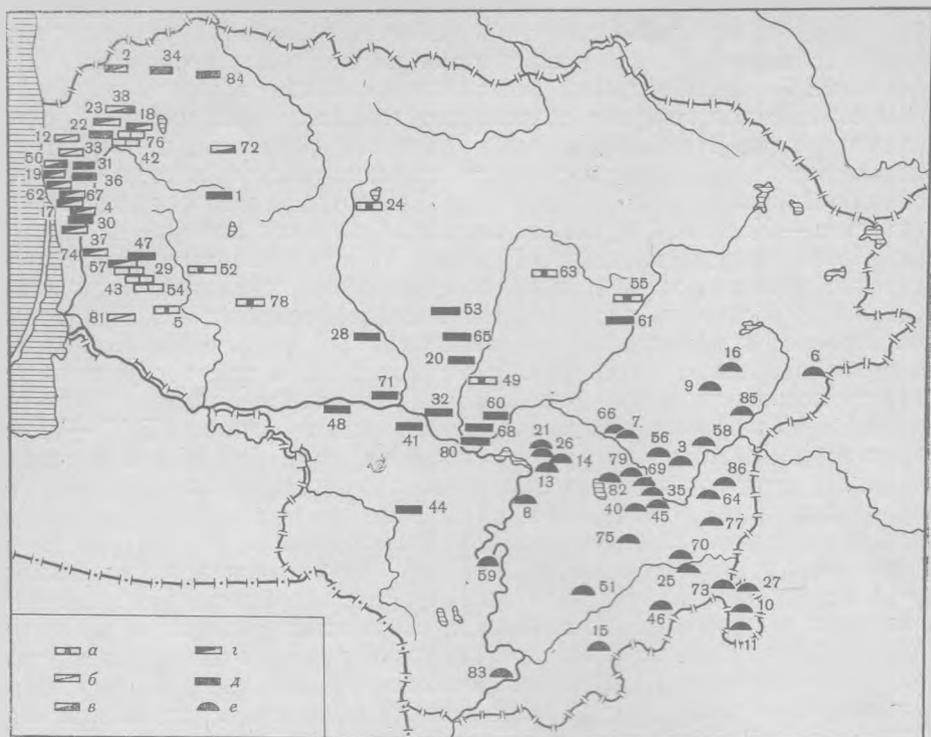

Рис. 4. Трупосожжения IX—XIII вв. на территории Литвы: *a* — единичные трупосожжения в грунтовых могильниках; *b* — несколько трупосожжений; *в* — преобладающие погребения с труположением; *г* — преобладающие погребения с трупосожжением; *д* — грунтовые могильники с трупосожжением; *e* — курганы с трупосожжением

1 — Акмянские (Плунгский р-н), 2 — Апуоле (Скуодасский р-н), 3 — Аукштиен Русокай (Вильнюсский р-н), 4 — Аукшткемая (Клайпедский р-н), 5 — Бикавенай (Шилутский р-н), 6 — Билдос (Швенченский р-н), 7 — Чиобишкес (Ширвинтский р-н), 8 — Дарсунишкес (Кайшядорский р-н), 9 — Дегсне (Молецкий р-н), 10 — Диджюляй (Шальчининский р-н), 11 — Девенишкес (Шальчининский р-н), 12 — Димитравас (Кретингский р-н), 13 — Довайониус (Кайшядорский р-н), 14 — Довайониус II (Кайшядорский р-н), 15 — Друцминай (Варенский р-н), 16 — Дубянгяй (Молецкий р-н), 17 — Двиляй (Клайпедский р-н), 18 — Гинталишке (Плунгский р-н), 19 — Гиркаляй (Клайпедский р-н), 20 — Граужяй (Кедайнский р-н), 21 — Гуронис (Кайшядорский р-н), 22 — Имбаре (Кретингский р-н), 23 — Имбаре (Кретингский р-н), 24 — Якштайчяй-Мешкяй (Шауляйский р-н), 25 — Яшунай (Шальчининский р-н), 26 — Капитонишкес (Кайшядорский р-н), 27 — Каткушкес (Шальчининский р-н), 28 — Кяенай (Расейнский р-н), 29 — Юргайчяй (Шилутский р-н), 30 — Клемишке (Клайпедский р-н), 31 — Кретинга, 32 — Кремала (Каунасский р-н), 33 — Кяулейкяй (Кретингский р-н), 34 — Кукияй (Мажейкяйский р-н), 35 — Кунигишкес (Тракайский р-н), 36 — Кведяй (Кретингский р-н), 37 — Лайстай (Клайпедский р-н), 38 — Лайвяй (Кретингский р-н), 39 — Лапушишкес (Игналинский р-н), 40 — Лентварис (Тракайский р-н), 41 — Микитай (Шакаяйский р-н), 42 — Наусодис (Плунгский р-н), 43 — Никелай (Шакаяйский р-н), 44 — Нендриняй (Капсуковский р-н), 45 — Неравай-Мисионарка (Тракайский р-н), 46 — Пабаре (Шальчининский р-н), 47 — Норгелай (Клайпедский р-н), 48 — Пакальнишкяй (Шакаяйский р-н), 49 — Пакапай (Каунасский р-н), 50 — Паланга, 51 — Памусяй (Варенский р-н), 52 — Парагаудис (Шилутский р-н), 53 — Пашушвис (Кедайнский р-н), 54 — Паулайчяй (Шилутский р-н), 55 — Пиктагалис (Аникшяйский р-н), 56 — Пиликишкес (Ширвинтский р-н), 57 — Поцяй (Шилутский р-н), 58 — Пучкалаукис (Вильнюсский р-н), 59 — Пунёс Шилас (Алигусский р-н), 60 — Радикяй (Каунасский р-н), 61 — Радишкес (Укмергский р-н), 62 — Рамучяй (Клайпедский р-н), 63 — Римайсяй (Паневежский р-н), 64 — Рокантишкес (Вильнюсский р-н), 65 — Русейняй (Кедайнский р-н), 66 — Русо Рагас (Ширвинтский р-н), 67 — Русшелкяй (Клайпедский р-н), 68 — Саргенай (гора, Каунас), 69 — Саусяй (Тракайский р-н), 70 — Сениеи Мапеляй (Шальчининский р-н), 71 — Серяджюс (Юрбарский р-н), 72 — Сирайчяй (Тельшяйский р-н), 73 — Стакай (Шальчининский р-н), 74 — Страгнай (Клайпедский р-н), 75 — Стрева (Тракайский р-н), 76 — Шатейкяй (Плунгский р-н), 77 — Швейцарай (Вильнюсский р-н), 78 — Упина (Шилалский р-н), 79 — Варлишкес (Тракайский р-н), 80 — Вершвай (Каунасский р-н), 81 — Вежайчяй (Шилутский р-н), 82 — Вевис (Тракайский р-н), 83 — Вилькяутинис (Варенский р-н), 84 — Застаучяй (Мажейкяйский р-н), 85 — Жингяй (Вильнюсский р-н), 86 — Жвирбляй (гор. Вильнюс)

вал о процессе консолидации отдельных балтских племен, позднее же, с образованием феодального государства, был проявлением идеологии, направленной против проводившейся крестоносцами насильственной христианизации.

Процесс формирования литовской народности отразился и в погребениях с конями. Единичные погребения такого рода известны уже в первых веках нашей эры, их число возрастает к середине и к концу I тысячелетия, однако наибольшее распространение погребения с конями получили именно в XI—XIII вв.⁴⁶ Они известны на всей территории Литвы, кроме северной части центральной Литвы, где, как указывалось, отсутствуют и трупосожжения. Своеобразный обряд погребения воина вместе с боевым конем, практиковавшийся исключительно на территории восточных и западных балтов, совершенно неизвестен на землях северных балтов — предков латышей. В процессе формирования литовской народности он наряду с трупосожжением наиболее ярко выражает этническое своеобразие. В исследованиях последнего времени в отдельных областях Литвы отмечены некоторые особенности погребений с конями. В принадлежавшей куршам северной части литовского взморья, где встречаются самые ранние погребения с конями, в конце I и начале II тысячелетия в могилу клали лишь конскую сбрую. В южной части, на территории племени скалвов, воина и коня хоронили в общей яме. Интересны жемайтские погребения с конями: в могилу у изголовья клали лишь голову коня. Таким образом, как у куршей, так и у жемайтов встречаются различные формы символических конских погребений. Совершенно иного характера погребения с конями в центральной Литве, северном Занеманье и в восточной Литве. Несмотря на некоторые не имевшие решающего значения различия в погребальных памятниках (центральная Литва и Занеманье — грунтовые могильники, восточная Литва — курганы), в этих областях встречаются массовые погребения коней. В некоторых могильниках количество коней колеблется от единиц до нескольких десятков и даже сотен (рис. 5). Это одна из черт, характерных для западных областей. Кроме того, в Центральной Литве и Занеманье коней хоронили отдельно от хозяев в том же могильнике. В восточной Литве для коней обычно выделялся отдельный курган или определенная часть курганного могильника.

О консолидации отдельных племен свидетельствуют и другие данные археологии. Так, в конце I и самом начале II тысячелетия исчезают некоторые различия в украшениях в отдельных областях и появляются формы, общие для всей территории Литвы. В первую очередь следует упомянуть подковообразные фибулы, получившие более широкое распространение, браслеты с утолщенными концами и волнообразным орнаментом на них, спиральные браслеты и другие украшения, свидетельствующие о некоторой нивелировке в костюмах отдельных племен.

Изменяется и территория, на которой идет процесс формирования древнелитовской народности. В нее входит вся восточная Литва, центральная Литва до Дубисы и северная часть Занеманья. По-видимому, именно эта территория упоминается в наиболее ранних письменных источниках под наименованием «Литва». Термин «Литва» (*Litua*) впервые упоминается в письменных источниках в 1009 г. в Кведлинбургских анналах⁴⁷. Так как данная форма «*Litua*» имеет чисто русское звучание, некоторые исследователи думают, что для Руси Литва была известна ранее 1009 г.⁴⁸, хотя в русских летописях она появляется несколько позднее. Так, в Лаврентьевской летописи под 1040 г. упоминается поход киевского князя Ярослава на Литву⁴⁹. Заслуживает внимания и то, что

⁴⁶ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Lietuvio kario žirgas.

⁴⁷ «Lietuvos TSR istorijos saltiniai», t. 1. Vilnius, 1955, p. 24.

⁴⁸ J. Ochmanski. Historia Litwy. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, p. 33.

⁴⁹ «Повесть временных лет», I, с. 103 («В лето 6548, Ярослав иде на Литву»).

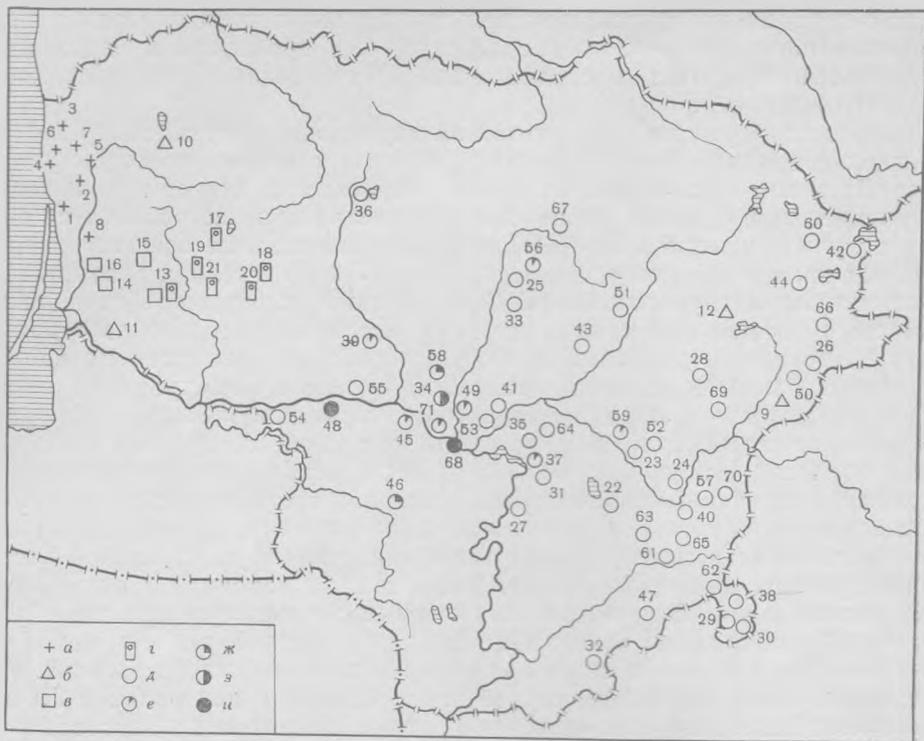

Рис. 5. Погребения с конями в I и начале II тысячелетия: *a* — первых веков н. э.; *b* — середины I тысячелетия н. э.; *v* — погребения конца I и начала II тысячелетия в Западной Литве; *g* — символические конские погребения; *d* — единичные погребения конца I и начала II тысячелетия в Центральной и Восточной Литве; *e* — массовые погребения (*e* — от нескольких до нескольких десятков; *ж* — более 50; *z* — более 100; *u* — более 200 конских погребений в исследованном памятнике)

1 — Бандужай (Клайпедский р-н), 2 — Курмайчай — (Кретингский р-н), 3 — Лаздиникай (Кретингский р-н), 4 — Паланга, 5 — Пришманчай (Кретингский р-н), 6 — Рудайчай I (Кретингский р-н), 7 — Рудайчай II (Кретингский р-н), 8 — Шернай (Клайпедский р-н), 9 — Антасаре (Лаукяй) (Швенченский р-н), 10 — Рекете (Кретингский р-н), 11 — Рубокай (Шилутский р-н), 12 — Таурапилис (Утенский р-н), 13 — Бикавенай (Шилутский р-н), 14 — Юргайчай (Шилутский р-н), 15 — Никелай (Шилутский р-н), 16 — Скомантай (Клайпедский р-н), 17 — Каштауналяй (Шилальский р-н), 18 — Паэжерис (Шилальский р-н), 19 — Парагаудис (Шилальский р-н), 20 — Улина (Шилальский р-н), 21 — Жасинас (Шилальский р-н), 22 — Алинка (Тракайский р-н), 23 — Ардишкес (Ширвинтский р-н), 24 — Аукштиен Русокай (Вильнюсский р-н), 25 — Барине (Паневежский р-н), 26 — Билдос (Швенченский р-н), 27 — Дарсунишкес (Кайшядорский р-н), 28 — Дегсне-Лобатишкес (Молетайский р-н), 29 — Диджюляй (Шальчининский р-н), 30 — Девенишкес (Шальчининский р-н), 31 — Довайнонис I (Кайшядорский р-н), 32 — Друцминай (Мантотай) (Варенский р-н), 33 — Герамислис (Бурвяляй) (Паневежский р-н), 34 — Граужай (Кедайнский р-н), 35 — Гуронис (Кайшядорский р-н), 36 — Якштайчай-Мешкай (Шяуляйский р-н), 37 — Капитонишкес (Кайшядорский р-н), 38 — Каткушкес (Шальчининский р-н), 39 — Кяенай (Расейнский р-н), 40 — Кунигишкес (Тракайский р-н), 41 — Лайкишкяй (Ионавский р-н), 42 — Лапушишке (Игналинский р-н), 43 — Майшмай (Укмергский р-н), 44 — Маргавоне (Лаукстенай) (Игналинский р-н), 45 — Микигай (Шакайский р-н), 46 — Нендриняй (Капсукский р-н), 47 — Пабаре (Шальчининский р-н), 48 — Пакальнишкяй (Шакайский р-н), 49 — Пакапай (Каунасский р-н), 50 — Першукшгас (Швенченский р-н), 51 — Пиктагалис (Аникийский р-н), 52 — Пликишкес (Ширвинтский р-н), 53 — Радикяй (Каунасский р-н), 54 — Рамоншишкяй (Шакайский р-н), 55 — Раудоненай (Юрбаркасский р-н), 56 — Римайсай (Паневежский р-н), 57 — Рокантишкес (Вильнюсский р-н), 58 — Русейняй (Кедайнский р-н), 59 — Русю Рагас (Ширвинтский р-н), 60 — Салакас (Зарасайский р-н), 61 — Сениеи Мацеляй (Шальчининский р-н), 62 — Стакай (Шальчининский р-н), 63 — Стрева (Тракайский р-н), 64 — Шушишкес (Кайшядорский р-н), 65 — Швейцарай (Вильнюсский р-н), 66 — Швента (Швенченский р-н), 67 — Венславишкяй (Паневежский р-н), 68 — Вершвай (Каунасский р-н), 69 — Жингяй (Вильнюсский р-н), 70 — Жвирбляй (гор Вильнюс), 71 — Кремала (Каунасский р-н)

в той же Лаврентьевской летописи упоминаются четыре союза латвийских племен (земгалы, курши, латгалы и ливы), литовцы же («Литва») упомянуты под одним именем. Кроме того, вместе с Литвой упоминается и отождествленная некоторыми исследователями с Жемайтией «Нерома»⁵⁰. Таким образом, в самых ранних источниках упоминаются Литва и Жемайтия. Начиная с XII в. наименование Литвы встречается все чаще, а Генрих Латвийский в своей хронике начала XIII в. упоминает уже только литовцев⁵¹. Без сомнения, это уже собирательное наименование. Если различные соседи группу родственных племен именуют одним общим именем, вполне возможна постановка вопроса о первичной фазе формирования народности⁵². По-видимому, понятие «Литва» в письменных источниках XI—XII вв. включает ту обширную (выделенную нами) территорию, на которой происходил процесс формирования древнелитовской народности. С другой стороны, несмотря на консолидацию населения, на этой территории еще в течение долгого времени выделялись отдельные культурные области с заметными различиями как в материальной, так и в духовной культуре.

Отмечавшиеся уже нами некоторые различия между центральной и восточной Литвой сохраняются и в дальнейшем, причем наиболее ярко проявляются в диалектах аукштайтов. Крупный союз племен, образовавший основу древнелитовской народности, позднее именуемый аукштайтами, был довольно пестрым по сравнению с монолитным объединением жемайтов. Своеобразные погребения с конями, практиковавшаяся до XII в. ингумация, резко отличающийся от других областей женский костюм и другие своеобразные черты выделяют область жемайтов из очерченной нами территории, на которой в X—XII вв. одновременно с формированием феодальных отношений формировалась древнелитовская народность. Соседи называли ее Литвой, позднее с образованием феодального Литовского государства она получила наименование Аукштайтия. По-видимому, возникновение этого последнего термина определено не только географическим положением, но и политическими условиями.

В заключение необходимо подчеркнуть следующие моменты: ядром древнелитовской народности следует считать локальную группу культуры штрихованной керамики, основным ареалом которой является бассейн р. Нерис (Вилии). Древнелитовская народность формировалась в процессе разложения родо-племенного строя. Этот процесс в Литве происходил в середине I тысячелетия н. э., однако он наиболее активизировался в третьей четверти I тысячелетия. В то время должно было произойти и разделение литовского и латышского языков. Наиболее ярко в конце I и начале II тысячелетия консолидация литовской народности происходила на территории, достигавшей на западе течения р. Дубисы, охватывавшей северное Занеманье и всю восточную Литву. Этот процесс лучше всего отражают обряды трупосожжения, погребения с конями и другие общие элементы материальной культуры. Таким образом, процесс формирования древнелитовской народности был довольно длительным. Некоторые авторы правильно отмечают, что народности складывались далеко не сразу и что в отдельных случаях их формирование начинается еще в условиях союзов племен⁵³. Именно это находит отражение в литовском археологическом материале. По-видимому, в XI—XII вв. мы сталкиваемся с уже сформировавшейся древнелитовской народностью, это подтверждают и самые ранние письменные источники начала XI в. Однако этот процесс еще не был окончен. В дальнейшем формирование литовской народности происходило совместно с образо-

⁵⁰ В. Т. Пашуго. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 10.

⁵¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938.

⁵² Б. А. Рыбаков. Древние русы.— «Сов. археология», 1953, № XVII, с. 24.

⁵³ Ю. В. Броилей. Указ. раб., с. 141.

ванием литовского государства. Все оказавшиеся в составе литовского государства балтские племена постепенно слились в единую литовскую народность, язык которой складывался из двух групп диалектов — аукштайтского и жемайтского.

THE BEGINNINGS OF THE LITHUANIAN PEOPLE (on archaeological data)

Three problems connected with the subject in question are touched upon in the paper, namely: 1) at what period the early Lithuanian people originally came into being; 2) what tribes took part in this process; 3) how this process is represented in archaeological material.

1. The origin of the early Lithuanian people dates from the middle and the second half of the first millennium A. D. This point of view is substantiated by concrete archaeological evidence adduced in the paper: investigated sites of ancient settlements, burials and their inventory. Linguistic data are also mentioned; these show that the Lithuanian language became differentiated from the other Baltic languages in about the 7th century A. D.

2. The nucleus of what was to become the early Lithuanian people had been formed by the tribes of the Ratched ceramics culture. In the first half of the first millennium A. D. a local group of this culture is identified in the drainage area of the Neris River (figs. 1, 2). The author points out its immediate connections with later archaeological data in eastern Lithuania right up to the rise of the early feudal Lithuanian state whose centre was situated in this area. It is here that the richest treasures of Lithuanian silver ingots have been discovered. Here linguists have encountered the hydronym «Lietava» (a tributary of the Neris River) that has given the country its name.

3. The process of consolidation of the different tribes was primarily called forth by internal factors; but to a certain extent it was accelerated by external causes. It is shown in the paper how this process is reflected in the archaeological material. Particular attention is focussed upon the way the cremation ritual (figs. 3, 4) and typical burials with horses (fig. 5) gradually spread over a wider territory. The area embraced by this process is delimited: it includes the whole of eastern Lithuania, the trans-Neman territory, and central Lithuania as far as the Dubisa River on the west. This area, which has a number of common cultural features, almost coincides with the territory that from the very beginning of the 14th century has been called «Auksaitia». The author reaches the conclusion that the terms «Lithuania», «Lithuanians» mentioned in written sources of the 11th and 12th centuries do not apply merely to one tribe or a single tribal federation but comprise the population of a wide area having a great number of features in common. It is this that enables us to speak of an early Lithuanian people whose further development took place with the rise of the Lithuanian feudal state. All the Baltic tribes that dwelt within the borders of the Lithuanian state merged into a single Lithuanian people which at present consists of the speakers of two dialect groups, the Aukštaitian and the Žemaitian (samogitian).